

ХАРЬКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

23-го Января № 4. 1883 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Объ учрежденіи мужскаго общежительнаго монастыря въ воронежской епархіи.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, согласно ходатайству преосвященнаго воронежскаго, опредѣленіемъ 1-го—15-го декабря 1882 года, постановилъ: въ острожскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, при бѣлогорскихъ пещерахъ, учредить мужской общежительный монастырь, съ наименованіемъ оного Воскресенскимъ Бѣлогорскимъ монастыремъ.

II. Отъ 19-го ноября—8-го декабря 1882 г. за № 115, о Высочайшемъ соизволеніи на производство сбора по Имперіи въ пользу монастыря Быгоръ въ Албаніи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11 ноября 1882 года за № 5603, о томъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, въ 6-й день ноября, на разрѣшеніе прибыть въ Россію отъ дибрскаго монастыря Быгоръ въ Албаніи іеромонаху Арсенію и монаху Гавриилу для производства по всей Имперіи, въ теченіи одного года, сбора пожертвованій въ пользу названной обители на принятыхъ для подобнаго сборовъ основаніяхъ. Приказали: объ изъясненномъ Высочайшемъ повѣдѣніи начеатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

О томъ, чтобы въ прошеніяхъ объ опредѣленіи на санантныя мѣста опредѣленно указывалось на одно изъ свободныхъ мѣстъ.

Вслѣдствіе резолюціи Его Преосвященства, Харьковская Духовная Консисторія симъ объявляетъ, чтобы

воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній и священноцерковнослужители въ прошеніяхъ объ опредѣленіи на мѣста указывали опредѣленно на одно изъ свободныхъ мѣстъ, а не на одно изъ двухъ или трехъ по усмотрѣнію и тѣмъ болѣе не писали бы прошеній советскъ безъ обозначенія прихода, какъ нѣкоторые выражаются „на такое либо изъ свободныхъ мѣстъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

— Священникъ Николаевской церкви с. Старого, Сукскаго уѣзда Поликарпъ Слюсаревъ и Попровской церкви села Шпилевки того же уѣзда Іаковъ Яценковъ награждены набедренниками.

— Безмѣстный священникъ Владихіръ Волочковъ опредѣленъ помощникомъ настоятеля въ Петропавловской церкви, слободы Лымана, Изяскаго уѣзда.

— Влагодичинскій, настоятель Преображенской церкви слоб. Половинкиной Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Николай Шокотовъ переименовъ настоятелемъ въ Іоанно-Предтеченской церкви сл. Всуга того же уѣзда.

— Священникъ Предтеченской церкви сл. Варваровки Старобѣльскаго уѣзда Николай Скарловъ, переведенный 3-го декабря 1882 года настоятелемъ Лыманскаго прихода того же уѣзда, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ въ сл. Варваровѣ.

— Исакожинскій Сукской соборной Преображенской церкви Іванъ Шелокосевъ и Порфирій Подлучій посвящены въ стихаря.

— Священникъ сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей Аглицевъ уволенъ отъ должности законоучителя Павловскаго народнаго училища, а на мѣсто его утверждены въ сей должности священникъ Сумевъ Петровъ.

— Священникъ сл. Бондаровки Старобѣльскаго уѣзда, Георгій Греховъ утверждены въ должности законоучителя Бондаровскаго народнаго училища.

— Священник села Раснаго, Ахтырского уѣзда, Михаил Литкович утверждён въ должности законоучителя училища, открытаго при Раснаскомъ Свято-Димитріевскомъ монастырѣ.

— Священник села Бутаевки, Изюмского уѣзда, Іоанн Веселовскій утверждён въ должности законоучителя Бутаевского народнаго училища.

— Священник Георгій Подольскій утверждён законоучителемъ Братенскаго народнаго училища.

— И. д. псаломщика Александръ Санухинъ допущенъ въ преподаванію Закона Божія въ Тарасовскомъ народномъ училищѣ.

— Утверждены въ должности церковнымъ старостъ: Богородичной церкви г. Валокъ 2-я гильдія купецъ Федоръ Степаненко; Митрофаніевской церкви, слободы Клявники, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Антошъ Голодъ; Николаевской церкви, слободы Каменки, того же уѣзда, крестьянинъ Григорій Непратый; Николаевской церкви, слободы Шульчики, того же уѣзда, крестьянинъ Андрей Романовъ; Архангело-Михайловской церкви, села Курмана, Лебединаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Яковлевъ Диденко; Троицкой церкви, села Должика того же уѣзда, крестьянинъ Іуліанъ Галкинъ.

Вакантныя мѣста:

Настоятелю—въ Байдковскѣ приходѣ, Старобѣльскаго уѣзда; *помощника настоятеля*: въ с. Яковенковѣ, Змиевскаго уѣзда; *диакона*—при Куланскомъ городскомъ соборѣ; *псаломщика*: въ с. Заводы, Изюмскаго уѣзда, при Петропавловской церкви; въ с. Бѣлозъ Колодезѣ, Волчанскаго уѣзда, при Иверско-Богородичной церкви, въ с. Заводы, того же уѣзда, при Успенской церкви.

Отъ Харьковского Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, на основаніи § 54 уст. Мис. Общества, уведомляетъ, что съ 15 по 31 декабря включительно за 1882 годъ въ составъ суммъ Харьковского Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества поступило: отъ Веніамина Еп. Сум. Вик. Хар. Епархіи—100 р., Ивана Федоровича Чернышева—100 р., Ректора Сем Прот. Мих. Разногорскаго—3 р., Протоіерея С. Иларіона-

ва—3 р., Протоіерея Мих. Паллова—3 р., Протоіерея Георгія Попова—3 р., Протоіерея Іоанна Секухива—5 р., Игумена Хорон. Вознесенскаго женскаго монастыря Олнмпады—3 р., Казначей того же монастыря мов. Евпраксін—3 руб., Свящ. с. Мазухъ Проходоузъ Харьковскаго уѣзда Григорія Лобковскаго—10 р., Свящ. Матвія Моисеева—3, Священ. Александра Ветухова—3 р., Свящ. Василія Мантуянина—3 р., Свящ. Николая Матѣева—3 р., Свящ. Харлампія Георгоидзѣбова—3 р., Свящ. Николая Карлова 3 р., Свящ. Порфирія Шокова—3 р., Свящ. Іоанна Федоровскаго—3 р., Свящ. Александра Федорова—3 р., Свящ. Григорія Капустанскаго—3 р., Свящ. Василія Алексѣевского—3 р., Свящ. Василія Попова—3 р., Свящ. Петра Григоронича—3 р., Свящ. Іакова Макухина—3 р., чрезъ него же собрано отъ разн. лицъ—2 р., Свящ. Іакова Пигровскаго—3 р., Свящ. Алексія Грекова—3 р., Свящ., Николая Жебичева—3 р., Свящ. Андрея Аглицева—3 р., Свящ. Симеона Петрова—3 р., Свящ. Григорія Попова—3 р., Свящ. Іакова Иванова—3 р., Свящ. Митрофана Сильвешеннаго—3 р., Свящ. Стефана Дубинкаго—3 р., Свящ. Авдольона Станкова—3 р., Свящ. Николая Федорова—3 р., Свящ. Іоанна Павлова—3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ—50 коп., Свящ. Мизаила Рудинскаго—3 р., Свящ. Михаила Трипольскаго—3 р., Свящ. Андрияна Кражаловскаго—3 р., Діакона Саввы Паштелеиконова—3 р., и долги псаломщика Ивана Павлова—3 р., Степана Андреевича Ольшевскаго—3 р., Сергія Николаевича Соколовскаго—3 р., Петра Никифоровича Клиткова—3 р., Крестыянна Ивана Лелевича—3 р., собрано священникомъ слоб. Бѣлоуцкой Іоанномъ Бутковичъ отъ разн. лицъ 1 р. 10 к.

Получено кружечнаго сбора:

Отъ церквей 5 окр. Староб. уѣзда—21 р. 87 коп., отъ церквей 2 окр. Куланск. уѣзда—14 р. 24 к., отъ церквей 2 окр. Ахтырск. уѣзда—8 р. 40 коп., отъ церквей 1 окр. Ахтырск. уѣзда—73 р. 82 к., отъ церквей 3 окр. Харьковскаго уѣзда—12 р. 65 коп., отъ церквей 4 окр. Изюмскаго уѣзда—6 р. 04 к., отъ Харьковскаго Вознесенскаго женскаго монастыря—5 р. 30 коп., отъ Верхохарьков. Николаевскаго женскаго монастыря—4 р. 50 к., отъ настоятеля Ахтырскаго монастыря за № 178—3 р., отъ наст. Святогорской пустыни Архимал. Геркала—4 р., отъ Іоанно-Богословской цер. Харьк. дух. Семинаріи—18 р. Итого съ 15 по 31 декабря—513 руб. 42 к., а въ теченія всего 1882 г. поступило: 2816 р. 44 к.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СЛОВО

пропагандное Провоационнѣе Амаросіемъ Епископомъ Харьковскимъ въ церкви св. Антонія Великаго при Харьковскомъ Университетѣ 17 Января 1883 года.

*Вспомни ея милыя, и по многу ея рече
будешь, и не прорадиши ея милыя, и ео
можешь не прорадиши будешь. (Матѣ. 16, 12).*

Это наставленіе практической мудрости дано намъ отъ Господа Иисуса Христа, вѣдущаго всѣ тайны души и жизни человѣческой. Оно особенно нужно для нашего времени, когда люди привыкаютъ больше говорить и писать, нежели дѣлать,—когда всѣ открытыя намъ поприща жизни измѣряются не шагами нашего дѣйствительнаго поступленія впередъ, а глазомеромъ и личными соображеніями, или даже мечтательными представленіями о нашемъ будущемъ, о нашемъ участіи въ общественной дѣятельности, и о судьбѣ самыхъ человѣческихъ обществъ. Отъ этого страдаютъ сами дѣятели, страдаетъ общество, страдаетъ самое дѣло, столь великимъ железаемо у совершенствованія нашей общественной и государственной жизни; а главное,—отъ этого на всѣхъ насъ ложится гнетъ умныя при видѣ несоотвѣстнаго дѣйствительной жизни съ блестящими надеждами и громкими обещаніями, которая такъ щедро намъ отвесоду расточается. Ждемъ порядка, а все у насъ какъ-то не устраивается; ждемъ довольства, а всюду злобы на трудность жизни; ждемъ въ людяхъ дарованій, энергии, безкорыстія, мужества, мудрости,—а между тѣмъ,—простите горькую правду,—люди мелочатъ на нашихъ глазахъ.... Положеніе бѣдственное. Гдѣ же ему причины и гдѣ въ него выходы?

Указанія на то и другое мы въ обилии найдемъ въ этомъ краткомъ и простомъ евангельскомъ наставленіи: „будь вѣренъ въ маломъ, чтобы стать способнымъ совершать великое“.

Родимся мы не по своей волѣ, и не сами выбираемъ себѣ первое мѣсто-жительства въ этомъ мірѣ. Называйте это первоначальное опредѣленіе нашей участи дѣйствіемъ природы, судьбою, волею Божіею,—все равно: отъ нашего взгляда на наше происхожденіе и первая условія жизни дѣло неизмѣняется. Важно то, что каждый изъ насъ является на свѣтъ ребенкомъ, что все мы по необходимости подчиняемся положенію,—какое находимъ для себя готовымъ при вступленіи въ эту жизнь, и что первоначально кругъ нашей жизни чрезвычайной малъ. Всемъ известно, что въ раннемъ дѣтствѣ мы живемъ подъ вліяніемъ общихъ законовъ природы, какъ все въ мірѣ вещественномъ, и управляемся инстинк-

тами. Съ развитіемъ ума и съ пробужденіемъ сознанія жизнь наша выдѣляется изъ общаго движенія природы, и мы становимся способными къ самоопредѣленію, саморазвитію, и дѣлаемся ответственными за все наши дѣйствія. Отсюда открывается нужда и возможность опредѣленія условій постепеннаго развитія человѣка и начертанія правилъ для его свободной дѣятельности. Съ точки зрѣнія, указанной въ приведенномъ нами наставленіи евангельскомъ, эти правила опредѣляются легко и являются неотразимо вѣрными и неоспоримыми.

Первое изъ этихъ условій для всѣхъ возрастовъ есть вѣрный взглядъ съ нашей стороны на себя и честная оцѣнка нашихъ силъ и способностей. Тяжело смотрѣть на человѣка, когда онъ проникается безпредѣльнымъ уваженіемъ къ себѣ и не находитъ дѣла, къ которому бы онъ оказался неспособнымъ. Сторонніе люди давно уже его оцѣнили, его силы и качества давно разобрали и вѣршили и, если онъ призванъ ограниченнымъ, то болѣею частью не говорить ему этой правды только изъ жалости къ нему, а онъ продолжаетъ пребывать въ самоуслажденіи и винить другихъ, что его не понимаютъ. Это самообольщеніе разсѣивается только при безпристрастномъ сравненіи себя съ другими рядомъ съ нами идущими по пути жизни, при обозрѣніи—желе и хороши-ли, и легко-ли дѣлается нами въ нашемъ ближайшемъ кругу; подошли-ли мы близко къ той дѣли, для которой поставлены, или сами стали на занимаемомъ нами мѣстѣ. И опять послѣднее слово въ этой оцѣнкѣ не намъ принадлежитъ; наша обязанность оглаживаться,—довольны-ли нами люди, удовлетворили-ли мы тѣмъ требованіямъ, какія на насъ заявляются, не задержали ли мы дѣло, какія на себя приняли, не пострадалъ-ли кто отъ нашей неумѣлости, или бездѣятельности. Зѣвѣ, когда наша дѣятельность оказывается неудовлетворительною,—нельзя намъ укрыться отъ порицаній подъ любимую нами оговорку: „меня не поняли“. Кому мы противны, кому отъ насъ тѣсно, или больно, кого мы погубили,—тотъ насъ понялъ. Въ этихъ случаяхъ основаніемъ для сужденій служатъ не отвлеченныя мысли и громкія слова, а опытъ, факты, которыхъ нинѣ во всякой области изслѣдованія стараются собирать какъ можно больше для убѣжденія въ истинѣ. Если люди, и при томъ лучшіе, отъ насъ сторонятся,—значитъ не думають только, а чувствуютъ,—что мы такое.

По приобрѣтеніи яснаго и вѣрнаго сознанія нашихъ силъ и способностей, въ первыхъ начаткахъ нашей общественной дѣятельности открывается для

насть другая обязанность—такъ же честно слѣдить за собою,—не трудимся ли мы механически, не стоимъ-ли на одной ступени развитія, растемъ ли внутренно, и крѣпимъ ли въ силахъ и оныѣ требуемъ нашимъ дѣломъ. Когда же дѣятельность въ первомъ небольшомъ занятіи нами круто перестаетъ насъ удовлетворять,—но не въ томъ смыслѣ, что она перестаетъ быть намъ приятною,—а въ томъ, что мы легко исчерпываемъ всё содержаніе нашихъ обязанностей и занятій; что открываются въ насъ силы остающіяся безъ упражненія, что остается время, которое жаль терять напрасно, что желаніе служить дѣлу и людямъ въ насъ разгарается, и мы чувствуемъ, что высшее дѣло не выливается у насъ изъ рукъ и можетъ больше удовлетворить насъ,—это значитъ, что мы не мнеленно только и мечтаемъ, не желаніемъ преимуществъ высшаго состоянія, а всею нашею жизнью, получающею высшее развитіе, познаемъ и движемся въ болѣе широкой кругъ дѣятельности. Скоро такихъ честныхъ дѣателей замѣчаютъ и люди, нуждающіеся въ ихъ услугахъ, и начинаютъ подкладывать имъ работы; такъ же скоро замѣчаютъ ихъ и правители нуждающіеся въ сотрудиникахъ и охотно предлагаютъ имъ высшія должности; и самъ-ли человѣкъ при такихъ условіяхъ ищетъ лучшаго мѣста, зовутъ-ли его для него неожиданно,—здѣсь, для дѣла въ равномъ; онъ самъ въ себѣ растетъ и зрѣетъ, обогащается познаніями и опытомъ, горизонтъ жизни предъ нимъ расширяется больше, и ея потребности открываются яснѣе. Этимъ всестороннимъ и действительнымъ, а не мечтательнымъ поступленіемъ впередъ молодыхъ дѣателей нѣсколько обезпечивается ихъ дальнѣйшее развитіе, но и обогащеніе государства истинно полезными труженниками во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія и общественной жизни. И только этимъ способомъ мы можемъ освободиться отъ современныхъ недуговъ, уручающихъ наши молодые поколѣнія,—отъ самонадѣянности и мечтательности. Кто узнаетъ опытомъ, какъ много нужно времени для того, чтобы до тонкости и подробности изучить и не широкую область дѣятельности, какое нужно пристальное наблюденіе за теченіемъ жизни и въ небольшихъ размѣрахъ, и какого всё это стоитъ труда: тотъ не будетъ торопиться на высшее поприще, зная, что тамъ онъ прежде всего встрѣтится еще съ большимъ количествомъ труда и заботы. Здѣсь честный дѣатель опытно познаетъ, какъ опасно вторгаться въ чужую область знанія и жизни, когда онъ не проходилъ ее вдоль и поперекъ, какъ свою собственную; какъ трудно рѣшать вопросы, выходящіе за предѣлы его специальности, и какъ ненадежны широкіе проекты составленные для благоустройства

человѣческой жизни, наблюдаемой составителями ихъ только сверху и издали.

Вѣрность въ маломъ, ведущая къ великому, требуетъ чтобы дѣатель выше всего ставилъ дѣло своего служенія, не развлекаясь сторонними побужденіями. Эта существенная черта благоуспѣшнаго исполненія всякихъ обязанностей въ наше время заменяется въ нашемъ сознаніи нетерпѣливымъ желаніемъ обратить всякое знаніе и трудъ прежде всего въ личную нашу пользу, на улучшеніе средствъ, на приобритеніе удобствъ жизни. Всѣ хотятъ жить съ роскошью, какой почитаютъ себя достойными, всѣ едва приобритенныя познанія, и свои силы и время отдаютъ, такъ называемымъ нынѣ, заработкамъ; между тѣмъ какъ каждое дѣло, относящееся къ извѣстной области общественной жизни, начатое нами въ маломъ объемѣ, при внимательномъ изученіи его, раскрывается и развертывается передъ нами такъ, что становится великимъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше требуетъ отъ насъ вниманія и труда. По сему на первомъ планѣ для насъ всегда должно стоять его изученіе, постоянное вниманіе къ усовершенствованію способовъ примѣненія къ дѣлу нашихъ познаній и изученіе къ этому самихъ себя. Отъ забвенія этого правила происходитъ то печальное явленіе, что человѣкъ, обогащенный при окончаніи воспитанія обширными и, какъ говорится, послѣдними свѣдѣніями по своей наукѣ, скоро забываетъ, чѣмъ знаніе, и является отсталымъ, не достигши зрѣлыхъ лѣтъ отъ того, что всѣ свои познанія свѣдѣнія продавалъ за удобства и наслажденія жизни. Вѣрность наукъ и общественной службѣ, истинное желаніе блага человечеству не терпятъ такого поработченія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ внѣшнимъ выгодамъ; вездѣ долженъ преобладать интересъ разумный и нравственный. Правда, всѣмъ нужны средства жизни, но истина и наше собственное усовершенствованіе требуютъ, чтобы самое дѣло наше было для насъ дороже вещественнаго вознагражденія, какое намъ общается.

Чтобы служебная дѣятельность наша сначала и до конца была благоуспѣшна, мы заранѣе должны запасаться опытомъ жизни, или познаніями о людяхъ, ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, о различныхъ осложненіяхъ и превратностяхъ жизни человѣческой. Много терпятъ отъ недостатка въ этомъ опытѣ молодые дѣатели даже и при искренней ревности служить бугу человечества; и чѣмъ горячѣе бываетъ это ихъ желаніе, тѣмъ скорѣе для неукснненныхъ опытомъ наступаетъ утомленіе и разочарованіе. Молодость вообще склонна думать, что если человѣкъ горячо и честно желаетъ другому добра, то этотъ послѣдній долженъ немедленно и съ благодарностью принять то, что ему предлагается. Не то видимъ на

опытѣ: чистая истина и добро медленно понимаются людьми, и еще медленнѣе осуществляются на дѣлѣ; люди измѣнчивы, своекорыстны, забывчивы и неблагодарны. Чтобы съ успѣхомъ служить ихъ благу, нужно напередъ знать ихъ недостатки и слабости и сначала приготовить въ душѣ, къ терпѣливому перенесенію ихъ, а потомъ и закалится на дѣлѣ въ терпѣніи и самоотверженіи. Не приготовившись заранѣе къ этому подвигу, многие молодые люди съ отличными дарованіями и познаніями побросали общественную службу и съ жалобами на пороки и неблагодарность людей предались праздности, отнимая такимъ образомъ у отечества столь нужная для него силы. Неустоявши въ маломъ, они естественно не достигли великаго; имъ напередъ надо было знать наставленіе божественной мудрости: *аще кто хощесть старый быти, да будетъ оскѣзъ меньшій и оскѣзъ слуга.* (Мар. 9, 35.)

Самую же твердую почву для устойчивой дѣятельности во всякомъ родѣ общественнаго служенія составляетъ для насъ непрекращаемый внутренней трудъ надъ нашимъ собственнымъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ. Съ изученіемъ православной вѣры устанавливается въ умѣ нашемъ правильное міросозерцаніе, съ очищеніемъ сердца отъ страстныхъ увлеченій, пробуждается въ насъ любовь и безкорыстіе; просвѣщеніе въ нашемъ сознаніи истинной и послѣдней цѣли нашего бытія поселаетъ въ насъ равнодушіе къ благамъ внѣшнимъ и удовольствіямъ чувственнымъ, позиціоніумъ наше время и силы; постоянство въ трудѣ сообщается ощущеніе расширенія нашей жизни и возрастанія духа; чистая совѣсть даетъ внутренней миръ и довольство;—все же вмѣстѣ изоцраетъ въ насъ чувство истины и правды, при которомъ легко разрѣшаются сомнѣнія, распутываются софизмы, угадывается внутренняя ложь и неестественность убивающихъ духъ научныхъ построеній, разъясняются и вѣрно опредѣляются темныя и сложныя нравственныя состоянія, поражаемыя пороками и преступленіями, надъ оцѣнку которыхъ такъ часто нынѣ задумывается правосудіе.

Все это достаточно объясняетъ намъ, какой прямой и ясный путь къ совершенству и успѣхамъ во всякомъ родѣ служенія всегда открывается правильно употребленному дарованію, скромному прилежанію и труду, уваженію ко всѣмъ обязанностямъ и постоянному стремленію къ усовершенствованію себя и къ искреннему служенію ближнимъ. Въ этомъ мы видимъ оправданіе словъ Спасителя: *имущему всегда будетъ и преизбуетъ.* Но столь же ясно Господь раскрываетъ и участь людей небрегущихъ о своихъ дарованіяхъ и должномъ ихъ употребленіи: *у неимущаго же и еже мнитса имѣти, взято будетъ*

отъ него (Мате. 25, 29). Живыхъ примѣровъ людей послѣдняго рода у насъ, къ несчастію, слишкомъ много передъ глазами. Не часто-ли приходится намъ слышать эту печальную повѣсть о потерянной жизни: „я учился отлично, имѣю ученую степень, писалъ, служилъ,—вотъ мои товарищи въ высочайшихъ должностяхъ,—но для меня служба не была счастливою, меня обходили; я все оставилъ и занимаюсь своими дѣлами, читаю, за всѣмъ слѣжу, всѣмъ интересуюсь.“ Что въ здѣсь слышите? Человекъ еще мнитса вѣчно имѣть, но отъ него взято уже многое, если не все. Дарованія заглохли, старыя познанія потускнѣли въ памяти, для новыхъ въ умѣ вѣтъ ни связи, ни приложимости; молодость прошла, силы ослабѣли, за малое дѣло приниматься совѣстно, большое недоступно; жизнь пропала даромъ. Всему злу причина—забвеніе святой заповѣди *о откровеніи въ маломъ.* Аминь.

Новшій воззрѣніи на первобытныя формы брака и происхожденіе семьи.

(Продолженіе *).

VI.

Изъ обычая брать жену изъ чужаго племени или экзогаміи, которая въ свою очередь возникла будто какъ переходная ступень отъ общиннаго брака къ индивидуальному, защитники разсматриваемой теоріи хотѣли вывести и обычай запрещенія брака въ кругу близкаго родства. По ихъ мнѣнію, прежде отдѣльныя лица должны были брать себѣ жену непременно изъ чужаго рода, потому что въ своемъ родѣ общность женщинъ не дозволяла, чтобы хотя одна изъ нихъ вступила въ индивидуальный бракъ. Отсюда для защитниковъ разсматриваемой теоріи понятнымъ представляется, что когда въ силу навыка установились браки внѣ рода, когда даже въ томъ не было и необходимости, то мало по малу должно было образоваться и убѣжденіе, направленное противъ брака въ самомъ родѣ. Для нихъ представляется, такимъ образомъ, очевиднымъ, что запрещеніе браковъ между близкими родственниками, насколько оно встрѣчается въ настоящее время во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ у дикихъ, такъ и у образованныхъ народовъ, должно быть разсматриваемо просто какъ сохранившійся слѣдъ отъ существовавшего когда-то обычая брать жену изъ чужаго племени.

Какъ ни просто повидному все это объясненіе, но мы все-таки рѣшительно не можемъ его принять. Въ немъ представляются намъ двѣ очень слабыя стороны, открывающіяся именно въ томъ, что этимъ

*) См. № 3 „Харьк. Епарх. Вѣдом.“

объяснением совсѣмъ оставляются безъ разрѣшенія два весьма важныхъ вопроса: а) какимъ образомъ, когда сдѣлалось возможнымъ заключать браки между членами своего рода, могло войти въ обычай брать жену непременно все-таки изъ чужаго племени? б) какимъ образомъ, когда вошло въ обычай это послѣднее, могло возникнуть *убѣждение*, направленное *противъ* брака въ своемъ родѣ? Первое, по мнѣнію защитниковъ разсматриваемой теоріи, могло, будто-бы, произойти изъ простаго *навыка*. По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ, къ явленію, имѣвшему мѣсто и повторявшемуся въ преемственномъ ряду различныхъ поколѣній, прилагается такой способъ объясненія, какой совсѣмъ не подходитъ сюда: какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, какими нибудь послѣдующими поколѣніями въ дѣлѣ устройства супружества могли руководить *навыки* въ томъ, чего они еще не практиковали, что практиковалось только предшествующими поколѣніями? Итакъ понятие *навыка* здѣсь совершенно неумѣстно; если что и можемъ быть въ данномъ случаѣ допущено, то развѣ только одно *подражаніе* со стороны послѣдующихъ поколѣній предшествующимъ. Но опять и это подражаніе *само по себѣ* не можетъ объяснить намъ происхожденіе разсматриваемаго обычая вступать въ супружества только съ женщинами чужаго рода, — само подражаніе естественно могло возникнуть и поддерживаться только по какой нибудь важной *причинѣ*. При двухъ только условіяхъ можно допустить, что способъ устройства супружества въ послѣдующихъ поколѣніяхъ опредѣлялся однимъ простымъ подражаніемъ тому, что практиковалось предшествующими поколѣніями: или при *невозможности* со стороны первыхъ обратиться къ какому нибудь другому способу, — по этой невозможности не допускаетъ и сама разсматриваемая теорія, она допускаетъ напротивъ полную возможность для послѣдующихъ поколѣній заключать браки и въ своемъ родѣ; или при томъ условіи, что послѣдующія поколѣнія *не могли знать* никакого другаго выхода въ этомъ дѣлѣ, — но опять и на этомъ предположеніи остановиться нельзя. Въ существенной основѣ своей дѣло заключенія супружества всегда есть дѣло личнаго чувства и желанія, и это чувство и желаніе естественно всегда могло указать человѣку выходъ въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, на этотъ выходъ могла указать и память объ общинномъ бракѣ, который по разсматриваемой теоріи предполагается существовавшимъ прежде индивидуальнаго брака и при которомъ половина отношенія существовали только между членами *своего* рода. Но если все-таки послѣдующія поколѣнія не приняли никакого другаго исхода, а остановились на бракѣ только съ женщинами чужаго рода, то,

повторимъ, тутъ не могло дѣйствовать одно простое подражаніе, и должно было опредѣляться это какою нибудь важною причиною.

Но допустимъ даже, что какимъ нибудь образомъ въ томъ или другомъ племени установился *навыкъ* заключать супружества только съ женщинами чужаго племени, — какимъ образомъ этотъ *навыкъ* могъ вызвать *убѣжденіе*, направленное *противъ* брака въ своемъ родѣ, какъ думается защитникамъ разсматриваемой теоріи? Существоющей у человѣка *навыкъ* къ какому нибудь одному способу дѣятельности самъ по себѣ нѣтъ, онъ не соединяется у него всегда съ *убѣжденіемъ*, направленнымъ *противъ* всякаго другаго способа, но, *нерѣдко*, напротивъ, соединяется съ *убѣжденіемъ*, направленнымъ *противъ* самого-же себя, — это несомнѣнный психологическій фактъ; следовательно если при названномъ *навыкѣ* заключать супружества только съ женщинами чужаго рода соединялось *убѣжденіе*, говорившее *противъ* брака въ своемъ родѣ, то это *убѣжденіе* могло быть вызвано и поддерживаться не самымъ этимъ *навыкомъ*, а *чѣмъ нибудь другимъ*, какою нибудь другою причиною.

Что-же могло быть этою причиною, которая вызвала *убѣжденіе* *противъ* брака въ своемъ родѣ и поддерживала обычай *экзогаміи*? Такою причиною, безъ сомнѣнія, только и могло быть существовавшее исконно *предубѣжденіе* *противъ* браковъ въ кругу рода. Что-же касается этого *предубѣжденія*, то для объясненія происхожденія его и некоторые обращаются къ физиологій. Указываютъ именно на то, что такое *предубѣжденіе* могло произойти изъ сознанія вреда для потомства отъ браковъ между кровными родственниками; но безъ сомнѣнія, мы не можемъ допустить, чтобы такого рода соображенія принадлежали первоначальному человѣку, — еще и въ настоящее время вопросъ о вредѣ кровныхъ браковъ въ физиологическомъ отношеніи — является спорнымъ вопросомъ.

Болѣе естественнымъ и понятнымъ нужно признать то мнѣніе, которое объясняетъ разсматриваемое нами явленіе изъ нравственныхъ причинъ. По этому мнѣнію, болѣе другихъ распространенному, *предубѣжденіе* *противъ* браковъ между кровными родственниками происходитъ изъ того, что такіе браки запрещаетъ *человѣку* его нравственное чувство, внушающее ему отвращеніе къ нимъ. Само собою разумеется, что становясь на точку зрѣнія этого объясненія, мы этимъ допускаемъ, что *человѣкъ* съ самаго начала своего существованія долженъ былъ обладать, хотя-бы въ существенныхъ задаткахъ, тѣми-же нравственными качествами, нравственными *вкусами* и *отвращеніями*, какіе онъ обнаруживаетъ теперь, и если теперь бракъ въ близкомъ кровномъ родствѣ *вызываетъ* въ *человѣкѣ* нравственное отвращеніе, то по-

добное-же чувство такой бракъ долженъ былъ вызывать и у первобытнаго человѣка, а потому и у него онъ долженъ былъ *избѣгаться*,—за исключеніемъ, разумеется, тѣхъ случаевъ, когда такой бракъ могъ быть невольною необходимостью, какъ, напримеръ, въ семействѣ перваго человѣка. Но это именно есть та точка зрѣнія, которая совершенно не признается защитниками разсматриваемой теоріи; они совсѣмъ не могутъ допустить существованія у человѣка какого нибудь первоначальнаго, отъ природы принадлежащаго ему нравственнаго закона, потому что это не подходитъ къ той точкѣ зрѣнія ученія о развитіи, на которой они стоятъ. По ихъ воззрѣнію, первобытный человѣкъ не обладалъ никакими „нравственными свойствами, никакимъ масштабомъ хорошаго или дурнаго, никакимъ чувствомъ долга“ (Вилькенсъ), а потому, само собою разумеется, и запрещеніе брака между родственниками, по ихъ мнѣнію, не могло существовать у него въ силу какихъ нибудь нравственныхъ основаній. Предѣлы настоящей статьи и та специальная задача, которая ею преслѣдуется, само собою разумеется, не позволяютъ намъ войти въ разсмотрѣніе этого воззрѣнія съ тою подробностью, какой оно заслуживало-бы; мы ограничимся разсмотрѣніемъ этого воззрѣнія лишь настолько, насколько оно ближайшимъ образомъ соприкасается съ нашимъ вопросомъ. Мы спросимъ: если, по разсматриваемой теоріи, первобытный человѣкъ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ склонностей, которая-бы могла руководить его въ устройствѣ супружества, то какимъ образомъ эти склонности онъ могъ образовать въ себѣ послѣдствіи? Какимъ образомъ запрещеніе супружества между кровными родственниками, немѣвшее будто-бы первоначально никакихъ нравственныхъ основаній, могло получить послѣдствіи значеніе *нравственнаго* запрещенія и силу *нравственнаго закона*? По мнѣнію защитниковъ разсматриваемой теоріи, запрещеніе брака между близкими родственниками существовало сначала какъ простое „переживаніе“ обычая брать жену внѣ предѣловъ своего рода, но какъ одно изъ первыхъ средствъ къ поддержанію этого запрещенія должно было быть возбуждено и отвращеніе къ подобнымъ бракамъ, какъ къ чему-то грѣшному, дурному, не дозволенному, и это отвращеніе, пройдя чрезъ различныя послѣдующія поволавія, должно было сдѣлаться въ концѣ концовъ *наслѣдственнымъ* и получить силу „нравственнаго закона“ (Вилькенсъ). Что касается этого объясненія, то уже съ перваго взгляда нельзя не видѣть всю его логическую непоследовательность и присущее ему крайнее внутреннее противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, не является-ли крайнею непоследовательностью и противорѣчіемъ въ этомъ объясненіи:

съ одной стороны рѣшительное признаніе того, что запрещеніе брака между кровными родственниками не имѣло сначала никакого нравственнаго основанія и совсѣмъ не опиралось на какое-либо нравственное чувство человѣка,—и, въ тоже время, съ другой стороны признаніе того, что первымъ средствомъ поддержать это запрещеніе должно было быть возбужденіе въ человѣкѣ нравственнаго отвращенія въ такому браку, какъ къ чему-то дурному и грѣшному. Ясно, что если это запрещеніе могло получить силу только отъ поддержки со стороны нравственнаго чувства человѣка, если безъ этого оно не имѣло-бы и значенія, то слѣдовательно основаніемъ своимъ данное запрещеніе и должно было имѣть это чувство.

Впрочемъ, принимая нравственное чувство человѣка за исходную точку запрещенія брака между близкими родственниками, мы не признаемъ, чтобы само это чувство не имѣло за собою никакого основанія. Нравственное чувство человѣка, возстающее противъ брака въ кровномъ родствѣ, несомнѣнно коренится въ самой сущности любви, основывающей бракъ. Если супружеская любовь есть склонность къ взаимному *восполненію*, являющаяся со стороны лицъ различнаго пола, то полнѣе эта любовь можетъ быть въ томъ случаѣ, когда между этими лицами бываетъ меньше аналогичности, меньше одинаковой односторонности. Но между лицами различнаго пола, принадлежащими къ одному кровному союзу, всегда является аналогичность, всегда эти лица являются въ большей или меньшей степени одинаковымъ одностороннимъ выраженіемъ одного общаго типа; по этому между ними не можетъ быть ни сильнаго полового возбужденія, ни истинной половой любви,—половое различіе ихъ чрезъ кровное единство какъ-бы сглаживается. На этомъ основаніи Шгаль считаетъ даже, что бракъ внутри одной фамиліи былъ-бы подобенъ связи между лицами одного пола. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что склонность къ восполненію въ меньшей степени можетъ найти себѣ удовлетвореніе въ супружескомъ союзѣ между близкими кровными родственниками—при существующей между ними одинаковости типа, и это-то, безъ сомнѣнія, и отвращаетъ человѣка искать этого восполненія въ сферѣ кровнаго союза.

Кромѣ того, между членами одного кровнаго союза всегда устанавливается своего рода живое *отношеніе любви*; въ силу своей крѣпости и дѣльности это отношеніе естественно не дозволяетъ образоваться въ немъ другому отношенію—супружеской любви. Родственная любовь и половая любовь—отношенія совсѣмъ несоединимыя; если-бы въ кругу родственнаго союза явилась послѣдняя любовь, то это было-бы разрушеніемъ въ немъ первой; такъ что въ дѣй-

ствительности истинный брак между кровными родственниками является моральною невозможностью или, по крайней мѣрѣ, несообразностью, поэтому-то чувство человѣка и отворачивается от брака въ кровномъ родствѣ.

VII.

Изъ всего предыдущаго изслѣдованія открывается, что теорія постепеннаго развитія брака и происхожденія семьи изъ первоначально существовавшихъ родовыхъ союзовъ, въ кругу которыхъ господствовало одно общее смѣшеніе половъ, утверждаетъ на весьма шаткихъ основаніяхъ; все то, что приводится въ подтвержденіе этой теоріи, на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, говоритъ совсѣмъ не въ ея пользу. Послѣ всего сказаннаго неоспоримымъ является только одно, что бракъ въ исторіи человѣческаго рода существовалъ не всегда въ своей высокой нравственной формѣ, что въ этой своей формѣ онъ утвердился только впоследствии—съ развитіемъ просвѣщенія. Но изъ того, что связи брака съ успѣхами просвѣщенія становились тѣснѣе, сильнѣе и тѣснѣе, нельзя еще заключить, что въ первобытномъ естественномъ состояніи человѣка половыя отношенія совсѣмъ не опредѣлялись посредствомъ брака. Бракъ вообще нельзя смѣшивать съ какимъ-нибудь простымъ житейскимъ обычаемъ, нельзя думать, что онъ—какъ обычай—произошелъ мало по малу, явился продуктомъ извѣстнаго развитія. То, что могло хотя когда-нибудь получить силу нравственнаго закона, приобрести нравственное значеніе,—какъ бракъ, должно было уже изначала имѣть внутреннюю нравственную необходимость, потому что какъ изъ ничего не можетъ произойти что-нибудь такъ точно всеобщее—необходимое, принимаемое за законъ, не могло произойти случайно или отъ произвола,—законъ не могъ возникнуть изъ незаконности и нравственное изъ безнравственнаго. Отсюда выходитъ, что, согласно съ библейскимъ указаніемъ, на бракъ, понимаемый именно въ смыслѣ нравственнаго отношенія, нужно смотрѣть какъ на установленіе, коренящееся въ самомъ устройствѣ человѣка,—что поэтому начало брака, какъ такого отношенія, естественно должно совпадать съ происхожденіемъ самаго человѣка.

Такъ какъ бракъ есть законъ, изначала положенный въ самомъ существѣ человѣческой природы, то самъ по себѣ, въ своемъ объективномъ состояніи, онъ естественно долженъ былъ оставаться однимъ и тѣмъ же во все времена человѣческой исторіи. Если однако отношеніе брака въ исторіи человѣческаго рода не всегда соответствовало первоначальной чистотѣ и строгости установленнаго закона, то въ этомъ, безъ

сомнѣнія, нужно видѣть только неправильное или недостаточное субъективное усвоеніе человѣкомъ этого закона. Причину-же этого несомнѣнно нужно видѣть въ грѣхопадѣніи человѣка. Грѣхопаденіе, нисколько не измѣнивъ брака, какъ закона природы, разсматриваемаго объективно, на субъективное отношеніе человѣка къ этому закону естественно должно было оказать свое вліяніе. Въ здоровомъ, не поврежденномъ состояніи человѣческой природы, законъ брака, какъ законъ самой этой природы, высказывался и предписывался въ простомъ, непосредственномъ, по яснымъ внушеніямъ самой природы (Быт. II; 23, 24). Но когда чрезъ паденіе природа человѣческая была повреждена, цѣльность и гармонія ея были разстроены, то и законъ брака не могъ уже быть всегда правильно усвоенъ и понимаемъ человѣкомъ; понятіе о немъ естественно должно было искажаться въ такой степени, въ какой послѣ паденія подвергалось разраженію само челоѣчество. Въ виду этого, все уродливый формы, какія въ разныя времена человѣческой исторіи принимало отношеніе брака, становятся для насъ совершенно понятными,—очевидно, на нихъ нужно смотрѣть не какъ на начальные, необходимыя въ ходѣ развитія брака стадіи его, а какъ только на *ненормальныя отклоненія* отъ первоначальнаго истиннаго закона брака, происшедшія изъ указанной общей причины.

Само собою разумѣется, что эта причина въ исторіи до-христіанскаго и въ христіанскаго челоѣчества не всегда могла вызывать совершенно тождественныя послѣдствія, не всегда могла вести къ одинаковому разстройству челоѣческой жизни и всѣхъ отношеній въ ней. Естественно, что тѣмъ хуже, неблагоприятнѣе были тѣ условія, при которыхъ въ тѣ или другія времена находился челоѣкъ, тѣмъ въ большей степени должно было обнаружиться и разстройство въ его жизненныхъ отношеніяхъ. При отсутствіи образованности, полная зависимость челоѣка отъ вышней природы, безсиліе его освободиться отъ подавляющаго господства ея,—вотъ то первое и общее неблагоприятное условіе, которое естественно должно было преліяствовать установленію въ жизни челоѣка правильныхъ и прочныхъ общественныхъ отношеній. Это условіе въ частности, естественнымъ образомъ, должно было вызвать въ дикомъ, естественномъ быту челоѣка и разныя ненормальности въ отношеніяхъ супружескихъ. Непозбѣжными особенностями этого быта, происходящими изъ указаннаго условія, являются—по большей части—неприкрытость челоѣка къ опредѣленному мѣсту и въ связи съ этимъ отсутствіе у него прочной собственности. Дикій, естественный челоѣкъ, говоря строго, не знаетъ того, что мы обозначаемъ словами: *родина*,

доме, хозяйстве, а потому онъ можетъ имѣть только случайную встрѣчу съ другими себѣ подобными, и даже съ тою личностію, съ которою онъ сходится для половых цѣлей, онъ не можетъ стать въ тѣсное и прочное жизнеобщеніе, при которомъ-бы обезличивалось ихъ взаимное пониманіе и живое участіе другъ къ другу. Къ тому-же въ этомъ быту занятія являються до того простыми и однообразными, что одному человѣку не представляется особенной нужды искать содѣйствія и дополненія у другаго; условия этого быта, слѣд., не даютъ возможности личностямъ различнаго пола, находящимся въ супружествѣ, раскрыться во всѣхъ своихъ особенностяхъ, а потому эти условия и не могутъ вести къ тѣсному, полному и живому союзу брака. Если при этомъ обиліе животныхъ и необходимость защищаться отъ ихъ нападенія заставляютъ дикаго, бездомнаго человѣка жить охотого; то этотъ — въ частности—родъ жизни еще болѣе представляетъ препятствій къ тому, чтобы въ жизни человѣка установились какія-нибудь прочныя общественныя связи, чтобы — въ частности—связь супружеская могла стать тѣсными и полнымъ союзомъ; этотъ родъ жизни требуетъ: во 1-хъ, простора и приволья, постоянного передвиженія съ мѣста на мѣсто и при этомъ — во многихъ случаяхъ — дѣятельности въ одиночку, что уже само по себѣ не можетъ способствовать образованію прочной связи между полами; во 2-хъ, этому-же препятствуютъ и самыя качества характера, которыя развиваются при такомъ родѣ жизни, — съ одной стороны этотъ образъ жизни управляетъ въ человѣкѣ скрытность и хитрость, съ другой — жесткость, — все такія качества, которыя не могутъ благоприятствовать тѣсному, задушевному сближенію половъ.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго становится ясно, что какія-бы несовершенныя и грубыя формы брачной жизни мы не встрѣчали у тѣхъ или другихъ народовъ, онѣ естественно могутъ быть понимаемы какъ *уклоненія* отъ истиннаго закона брака и во многихъ случаяхъ естественно могутъ быть объяснены изъ неблагоприятныхъ условій самаго быта этихъ народовъ; слѣд. ясно, что нѣтъ никакихъ ни побужденій, ни основаній смотрѣть на эти формы какъ на *необходимыя переходныя* фазы въ постепенномъ поступательномъ ходѣ развитія брака, какъ понимаютъ ихъ защитники разсмотрѣнной нами теоріи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДЕЛЮ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

Пойдите и приближитесь во царство небесное. Матт. 4, 17.

Это слова Спасителя нашего, которыя вы слыша-

ли въ нынѣ чтенномъ Евангеліи; это гласъ благодати Божіей, пробуждающей человѣка отъ мертвыхъ дѣлъ суевы и безаконоія и призывающей его къ жизни по истинѣ и по правдѣ. И какъ бы мы ни были не внимательны къ такому гласу, который можно слышать вездѣ и во всемъ, однако-жь въ жизни каждой изъ насъ бывають, по крайней мѣрѣ, такія минуты, когда гласъ этотъ самъ собою проникаетъ въ душу нашу, бывають случаи, при которыхъ сознаніе мгновенно озаряетъ нашего внутреннего человѣка, и мы печально становимся съ нимъ лицомъ къ лицу. Тогда невыразимое чувство скорби объемлетъ сердце наше. Хотя бы на совѣсти нашей и не лежало никакихъ нибудь особенно тяжкихъ преступленій; по — мучительно ощущеніе нравственнаго расслабленія, въ которомъ мы застаемъ себя внезапно. Въ такомъ состояніи никакія извиненія, въ другое время — какъ будто достаточныя, не имѣютъ значенія. Ибо, кто оправдаетъ меня, когда я самъ осуждаю себя, осуждаю право, потому что вижу вину мою, чувствую свое нравственное ничтожество, страдаю сознаніемъ крайняго убожества и скудости во всемъ добромъ?

Минуты глубокаго и искреннаго самосознанія для многихъ служили и служатъ началомъ новой, лучшей жизни, иногда началомъ великихъ подвиговъ самоисправления и самоусовершенствованія. Кто хотя разъ ощутилъ въ себѣ ясныя признаки опасной болѣзни тотъ и съ уменьшеніемъ, или притупленіемъ боли не долженъ забывать о скрытномъ недугѣ своемъ и оставлять себя безъ врачеванія, — иначе непріятно можетъ дойти до безнадежнаго положенія; тоже надобно сказать и о человѣкѣ, хотя бы разъ только ощутившемъ опасность духовно-нравственнаго состоянія своего. Благословляя Господа, долготерпѣваго и вразумляющаго, онъ долженъ принять всѣ мѣры къ самоисправленію.

И во первыхъ, надобно хранить, какъ драгоценное открытіе и пріобрѣтеніе, сознаніе духовной нищеты и убожества своего. Мы такъ склонны къ безопасности и разсѣянности, что голосъ совѣсти легко можетъ дѣлаться въ насъ мало внятнмымъ или и совсѣмъ не слышимымъ. Поэтому, какъ скоро сознаніе хоть разъ освѣтило для насъ все, что кроется въ душѣ нашей низкаго, порочнаго, преступнаго, мы должны помнить это живо, хотя бы совѣсть наша мало по малу содѣлалась снова не очень чувствительною; мы должны урезъ самонаблюденіе и самоиспытаніе сами себя пробуждать отъ новаго нравственнаго усиленія, болѣе же всего должны молить Господа нашего, чтобы Онъ Самъ испытывалъ сердце наше, какъ ибѣгда молилъ о семъ св. псаломъвецъ: (псал. 138, 23-24) *проникни меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай меня и узнай помысленія мои, и зри, не на*

относима ли я пути, и руководь меня на путь истины.

Во вторых, надобно тотчас же приступить къ великому и спасительному дѣлу самоисправления, и если трудно бороться вдругъ со всеми худими наклонностями, привычками и страстями, то сначала вооружиться всею силою, во крайней мѣрѣ, противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно главнѣйшихъ и преобладающихъ, которыя различить въ себѣ не трудно. Пока живо сознание грѣха, дадимъ себѣ св. обѣтъ—отнынѣ хранить отъ него сердце свое и стремиться къ противоположной ему добродѣтели. И великіе предъ Богомъ мужи давали себѣ подобныя обѣты, какъ скоро ощущали въ себѣ недовольство какимъ-либо поступкомъ своимъ. Не изъ такого ли, напримѣръ, источника излились слѣдующія слова деаламбиза, выражающія сердечный обѣтъ его себѣ самому: (псал. 38, 2) *глаголю: сохрани пути моя, еже не сокрушатъ ми языкъ мой*.^{*)} Что бы удобнѣе привести обѣтъ свой въ исполненіе, надобно по возможности уклониться отъ случаевъ, предметовъ и лицъ, которые способствовали укорененію въ насъ дурной привычки, или образованію страсти и рѣшительно отвратиться отъ себя то, чѣмъ самая привычка или страсть наша любила окружать себя. Но мѣрѣ ослабленія господствующей страсти въ насъ ослабѣваютъ и другія страсти, если только въ борьбѣ съ ними мы становимся подъ знамя добродѣтели, а не другой какой либо страсти. Ибо случается, что человѣкъ, желая освободиться отъ одного порочного навыка, какъ-бы въ вознагражденіе за это, приобретаетъ другой, не менѣе порочный; такъ напр., если для изцѣленія себя отъ скупости будемъ возбуждать въ себѣ гордость и тщеславіе своими благотвореніями: то съ ослабленіемъ одной страсти будемъ приобретать себѣ другую еще болѣе опасную. Это значить не исправлять себя, а только размножать свои слабости и недуги. Надобно противопоставить страсти не другую страсть, а противоположную ей добродѣтель; надобно стараться не измѣнять, а искоренять пороки, и—дѣло самоисправления будетъ благоуспѣшно.

Наконецъ, какъ бы ни было тѣсно для насъ, въ мнуты полного самосознанія, чувство нашего недостатка и виновности предъ Богомъ, мы не должны отвращать лица своего отъ Господа своего, но къ Нему же простирать мольбы о помощи, Ему вручать себя съ нашими немощами и грѣхами, на Него уповать и отъ Него одного ожидать спасенія.—Во умиленіи сердца повѣдай, христіанинъ, Господу истинную скорбь свою, исповѣдай предъ Нимъ благоуспѣшность уклоняться отъ зла и творить благо, проси Его всецѣляющей и укрѣпляющей благодати, какъ нѣкогда просилъ падшій праведникъ: *„отвори ми*

ме Твое отъ грѣхъ моихъ, и вся беззаконія моя очисти. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и дугъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святима не отними отъ мене. Возбуди ми радость спасенія Твоего, и Духомъ владычнемъ утверди мя.” И также благодать, которая пробудила душу твою отъ усыпленія, будетъ оживлять ее въ подвигахъ ея дѣланія, укрѣплять въ борьбѣ съ враждебными ей силами и вѣнчать успѣхи ея благодатнымъ миромъ совѣсти и сердца.

Свѣтл. Г. В.

Православный Востокъ въ минувшемъ году.

(Продолженіе)*.

Намъ слѣдовало-бы теперь упомянуть о важнѣйшихъ церковныхъ событіяхъ минувшаго года въ другихъ славянскихъ земляхъ, составляющихъ собою часть единой Австрійской имперіи; но событія эти совершались въ связи съ послѣднимъ историческимъ движеніемъ западныхъ церквей, а потому съ большимъ удобствомъ найдутъ себѣ мѣсто въ предполагаемомъ нами изложеніи важнѣйшихъ церковныхъ событій за послѣднее время въ западныхъ церквяхъ. Переходимъ потому къ изложенію замѣчательнѣйшихъ церковныхъ событій за это время, случившихся собственно въ областяхъ, вошедшихъ или изъ-стари входившихъ въ составъ патриархата константинопольскаго, и остававшихся своими анимациями прежде всего на перинъ Руминской.

Церковь эта тоже находится въ ненормальномъ отношеніи къ константинопольскому патриархату, и отношеніе это тоже скорѣе политическаго, чѣмъ церковнаго характера. По крайней мѣрѣ, оно вызвано стремленіемъ руминскаго народа къ политической и, естественной имѣть съ этимъ, церковной независимости. Еще въ 1864 году князь Куза секуляризировалъ все мѣстна св. мѣсть востока въ Молдавіи и Валахіи, а въ 1865 году даже провозгласилъ руминскую церковь независимой отъ константинопольскаго патриархата. Все это въ свое время было опротестовано великою церковью, но протестъ привелъ только въ тому, что между константинопольскимъ патриархатомъ, съ одной стороны, и руминской церковью, съ другой—возникли недоразумѣнія и пререванія, продолжающіеся и въ настоящее время. Газеты за прошлый годъ извѣстия насъ, что всѣ распоряженія руминскаго правительствія, направленныя къ поддержанію руминской народности на Балканскомъ полуостровѣ, встрѣчались въ патриархіи съ явнымъ нерасположеніемъ. Даже такіе дѣйствія, какъ напр., переводъ на куцо-влакскій языкъ евангелія и распространеніе его въ огромномъ количествѣ между куцо-влахами въ Македоніи, учрежденіе для нихъ школъ, присылка учителей, печатаніе церковныхъ книгъ вмѣсто славянскимъ латинскимъ шрифтомъ, вызываютъ, по словамъ газетъ „Перковий Вѣстникъ“ № 8, „вѣсти св. востока“, дѣлныя въ недоумѣній и опасеній. Патриархія „предполагаетъ во

*) См. № 2 „Хар. Епарх. Вѣдом.“

всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ дѣлю систему пропаганды, направленную во вредъ православію и греческой народности". Въ истекшемъ году пререканія эти особенно обострились по поводу совершения румынскими народами мироявленія и мироосвященія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года, какъ пишутъ русскія газеты, въ Букарестѣ открыты были засѣданія Румынскаго свая. Синода. Синодъ собирався главнымъ образомъ для рѣшенія вопроса о пересмотрѣ румынскихъ богослужбныхъ книгъ. Когда открылись засѣданія этого собора, угро-влахійскій митрополитъ Каллиникъ въ рѣчи своей объявлялъ, между прочимъ, членамъ Синода о прислорбномъ письмѣ, которое онъ получилъ отъ вселенскаго патріарха Іоакима. Въ письмѣ патріархъ „осуждаетъ митрополита и свая. Синодъ за совершеніе, безъ согласія патріарха, мироявленія и мироосвященія, въ чемъ онъ видитъ желаніе румынской церкви разорвать единеніе съ Великою Церковью". Разумѣется митрополитъ держится противоположныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, отвергаетъ въ своей рѣчи обвиненія патріарха и „говоритъ, что константинопольскій патріархъ не хочетъ признать никакихъ преобразованій въ Руминіи". Мало этого. Въ свою очередь митрополитъ жалуется предъ членами Синода на константинопольскаго патріарха, что „свая румынской церкви съ вселенскою, отличавшаяся нѣкогда такою венурашностью, теперь видимо портится; причину тому румынскій первосвятитель Каллиникъ находитъ въ самомъ патріархѣ, который относится къ румынской церкви не съ прежнею любовію и какъ-бы стремится поселить распрю между обѣими церквами". „Развивая въ своей рѣчи дальнѣйшія причины, способствовавшія охлажденію вселенской церкви къ своей румынской дочери, преосвщщ. Каллиникъ высказываетъ убѣжденіе, что главныя причины этой перемены въ отношеніяхъ двухъ церквей суть: 1) извѣстный по своему злополучію для церковнаго спокойствія монастырскій вопросъ и 2) податіе національнаго сознанія въ румынскомъ народѣ, благодаря которому произошло антигреческое движеніе среди румынскихъ общинъ въ Эпирѣ, Фессаліи, Македоніи по поводу школьнаго дѣла и постановки его на чисто національную почву румынами къ зависти и досадѣ грековъ. Этого было, по словамъ румынскаго первосвятителя, слишкомъ достаточно для вселенскаго патріарха, чтобы подвинуть его на распространеніе вражды между обѣими церквами". Будемъ надѣяться, однакоже, что эти пререканія не важны, что они не поведутъ къ какому-либо серьезному затрудненію въ церкви восточной и что нѣншій константинопольскій патріархъ, святѣйшій Іоакимъ III, не доведетъ вопросъ объ автокефальности румынской церкви до той фазы развитія, до которой доведенъ соименикомъ его Іоакимомъ II вопросъ объ автокефальности церкви болгарской.

Не менѣе прислорбны недоразумѣній между константинопольскимъ патріархомъ и островомъ Критомъ, завѣщаннымъ минувшему году отъ прежнихъ годовъ. Еще въ концѣ 1879 года на островѣ Критѣ, по словамъ „Цер-

ковнаго Вѣстника" (№ 8), открылись три вакантныя епископскія кафедръ. Жители острова всегда пользовались личнымъ правомъ избранія кандидатовъ въ епископское достоинство и за-тѣмъ уже избранныхъ ими лицъ, съ своими рекомендаціонными письмами, посылали къ патріарху для хиротоніи. Обыкновенно патріархъ давалъ хиротонію этимъ избраннымъ. Но на этотъ разъ дѣло совершилось нѣсколько иначе. „Мѣстный митрополитъ, по словамъ того-же „Церковнаго Вѣстника", и великаго константинопольскаго церкви, по согласію съ генераль-губернаторомъ Крита, замѣтили эти кафедръ, не спросивъ съ желаніемъ епархіи. Критяне не приняли епископовъ, присланныхъ къ Константинополю и обратились къ патріарху съ просьбою уважить ихъ старинные обычаи, соответствующіе „національному характеру и истиннымъ преданіямъ православной церкви". Патріархъ нашолъ невозможнымъ удовлетворить желанію Критянъ, сослался на то, что нареченіе новыхъ епископовъ уже состоялось. И вотъ „при взаимной неуступчивости отношенія между островомъ и патріархіей сдѣлались крайне натянутыми. . . . Напрасно повопоставленные епископы старались проникнуть въ свои частны; ихъ не приняли критяне. Напрасно также мѣстный митрополитъ созывалъ соборъ въ Иракліи и на этомъ соборѣ принято было рѣшеніе, нолнѣ оправдывающее дѣятельность патріарха и митрополита по этому поводу. Соборъ не достигъ положительно никакихъ результатовъ. Критяне возмущены всѣмъ этимъ и „рѣшились лучше остаться со всѣмъ безъ епископовъ, чѣмъ принимать называемыхъ имъ лицъ, въ предположеніи, что ни правительство не согласится поддерживать рѣшеніе патріарха силою оружія, ни патріархія не рискнетъ прибѣгнуть къ крайнему средству принужденія, т. е. отлученію непокорныхъ отъ церкви". Такова липная сторона этого дѣла. Но, кажется, мы не ошибаемся, если скажемъ, что основныя причины этихъ недоразумѣній надобно искать тоже въ политическомъ движеніи, охватившемъ въ послѣднее время, островъ Критъ. Извѣстно страстное желаніе критянъ освободиться отъ турецкой зависимости и примкнуть къ независимому греческому королевству. Желаніе это само собою ослабѣваетъ уаи, истари соединившія критянъ съ константинопольскимъ патріархомъ, и устремляетъ взоры ихъ на независимую и свободную церковь королевства греческаго. Нѣтъ сомнѣнія, однакоже, что политическія разочарованія критянъ послѣдняго времени должны были повліять на ихъ уступчивость въ отношеніи къ Константинопольскому патріархату. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что критяне начинаютъ уже входить въ нѣкоторое соглашеніе съ патріархомъ и даже приняли въ декабрѣ минувшаго года посвященнаго патріархомъ и синодомъ митрополита Критскаго, которого прежде упорно отказывались принять, желая чтобы патріархъ посвящалъ для нихъ ими самими избраннаго кандидата.

Впрочемъ это соглашеніе можетъ быть объяснено и лучшими качествами святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Іоакима III, его мудростію, оытностію, такъ

товъ и правильнымъ пониманіемъ положенія своей церкви и ея потребностей. Въ этомъ отношеніи патриархъ пользуется справедливою и заслуженною извѣстностію. Что же касается внутренней жизни Константинопольской церкви, то въ минувшемъ году можно указать на заботы патриарха по введенію въ дѣйствіе новаго приходского устава, изданнаго въ 1881 году и имѣющаго цѣлю создать правильные приходскіе порядки и установить правильныя отношенія между духовенствомъ и прихожанами. Идѣльно, что этотъ уставъ встрѣченъ активнымъ и массивнымъ сопротивленіемъ со стороны многихъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ лицъ, привыкшихъ къ старымъ безпорядкамъ и находившихъ интересъ въ ихъ поддержаніи, продолжать вызывать сопротивление и въ минувшемъ году, такъ что патриархъ принужденъ была принять свои мѣры для точнаго исполненія правилъ этого устава. Замѣчательна также дѣятельность патриарха въ минувшемъ году, направленная къ усиленію нравственнаго вліянія церкви на народныя массы, и усиленію народнаго и въ особенности богословскаго образованія. Пользуясь пожертвованіями нашего св. Синода и греческихъ богачей, патриархъ выстроилъ новый домъ въ Константинополѣ для великаго патриаршаго училища и возобновилъ *Константинопольское педагогическое братство*, которое прежде всего обратило вниманіе на образованіе духовенства въ Малой Азіи и открыло церковное училище въ монастырѣ св. Прехтеи, находящемся въ Кеесаріи. Кромя того, братство открыло нѣсколько народныхъ училищъ и даже предполагаетъ открыть пансіонъ для двѣнадцати. Впрочемъ, наши газеты справедливо замѣчаютъ, что отъ дѣятельности братства можно ожидать много хорошаго для церкви, только въ томъ случаѣ если руководители братства во главѣ которыхъ стоитъ Іаковъ Артемиаді, бывший прокуроръ суда въ Іоанникахъ, не позволяютъ себѣ увлечься исключительно національною идеею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Содержаніе: Юбилейное торжество въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ въ честь Митрополита Московскаго Филарета. — Освященіе здания Харьковской второй женской гимназіи. — Распоряженіе Министерства Финансовъ. — Распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Желаніе по этому поводу гал. «Южній Край». — Отношеніе раскольничьихъ къ народной школѣ. — Отъ Александровскаго комитета о равныхъ. — Актъ въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ.

— По поводу празднованія столѣтій со дня рожденія великаго святителя Православной церкви, Митрополита Филарета, намъ пишутъ изъ Петербурга: «Наша сѣверная столица достойно отпраздновала первый столѣтній юбилей гениальнаго святителя, великаго проповѣдника и глубокомысленнаго государственнаго мужа Русской земли Митрополита Филарета. Еще за долго до наступленія дня юбилея въ мѣстной печати появились напоминанія о приближающемся юбилейѣ и небольшія замѣтки, какъ о личности, такъ и дѣятельности великаго святителя, а 26 прошлаго декабря Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія было предложено

чтеніе о жизни юбилера. Самыя-же день, посвященный молитвенной и благодарной памяти о немъ, предпологалось отпраздновать съ особенною торжественностію нѣсколько позже. Мѣстами для торжественнаго молитвеннаго воспоминанія о немъ были назначены Александровско-Невская Лавра, Казанскій и Исаакіевскій соборы. Обществу религіозно-нравственнаго просвѣщенія обычно продолжалъ въ этотъ день свои чтенія о почитимомъ святителѣ. Обо всемъ этомъ заблаговременно объявлено было почти во всѣхъ столичныхъ газетахъ. Въ воскресенье, 9 января, въ 10 часовъ утра торжественный звонъ колоколовъ возвѣстилъ о начи нающемся церковно-русскомъ торжествѣ. Духомъ православнаго народа наполнили соборъ храмы, въ которыхъ предполагалось совершать торжественное заупокойное Богослуженіе. Въ Александровско-Невской Лаврѣ литургію совершалъ въ этотъ день Превосвященный Сергій, Епископъ Выборгеній, въ служебной наместника Лавры и братіи; онъ-же совершилъ, по окончаніи литургіи, панихиду, по въ Божѣ почитимомъ святителѣ. Въ Казанскомъ соборѣ Богослуженіе было совершено мѣстнымъ духовенствомъ собора. Очередной проповѣдникъ этого собора напомнилъ, между прочимъ, своимъ слушателямъ-прихожанамъ о томъ, что въ Божѣ почитимый Московскій святитель, этотъ арійскій свѣтильникъ всей русской церкви, въ свое время былъ особенно близокъ къ Казанскому храму, такъ какъ онъ не разъ, подъ сѣнью этого храма, предлагалъ народу свои высоконазидательныя поученія и въ этомъ храмѣ былъ харитивно-словами во святителя. Все это, заключилъ проповѣдникъ, должно представлять самыя сильныя побужденія для прихожанъ храма вознести стугубыя молитвы къ престолу Всевышняго, да соизвѣтитъ Господь приносимоего святителя Московскаго къ лику святыхъ и да даруетъ русской церкви такихъ-же пастырченальниковъ для укрѣпленія вѣры и благочестія среди русскаго народа, особенно въ наше лукавое время. Но главное торжество сосредоточивалось въ Исаакіевскомъ соборѣ. Заупокойную литургію въ этомъ соборѣ совершилъ Митрополитъ Московскій Іоанникій, въ присутствіи г. Обера-Прокурора Св. Синода, многихъ высокопоставленныхъ лицъ, членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества и членовъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Въ обычное время ректоръ Петербургской семинаріи протоіерей Розановъ произнесъ прекрасное слово на текстъ: *онъ-бы соимѣнникъ горей и сѣмлей*. Въ словѣ своемъ проповѣдникъ представилъ наиболее характеристическія черты великаго и многосторонней дѣятельности Московскаго святителя, удивляясь разнообразію этой дѣятельности и заключилъ приглашеніемъ слушателей вознести молитвы о успокоеніи въ Божѣ почитимаго Митрополита. Панихиду служили въ этомъ соборѣ Митрополиты—Исидоръ, Платонъ и Іоанникій, Архіепископы—Варшавскій Леоній и Кишиневскій Сергій, Петербургскій викарій Арсеній, въ сослуженіи многочисленнаго Петербургскаго духовенства. Масса народа наполнила храмъ, все освѣщенный люстрами; да и народъ, наполнившій этотъ храмъ, моли-

съ за свѣтителя съ важными свѣчами во все время панихиды. Но этия еще не закончилось чтеніе панихиды усопшаго свѣтителя. Въ залѣ: городской думы, въ два часа по-полудни, было предложено публикѣ чтеніе о Митрополитѣ Филаретѣ, какъ объ учено-литературномъ дѣятелѣ, оставившемъ послѣ себя такъ много глубокомысленныхъ произведеній: къ сожалѣнію мы не могли узнать фамили читавшаго, но за то мы вполнѣ наслаждались умно-составленнымъ и мастерскимъ чтеніемъ его. Читавшій исключительно остановился на проповѣдяхъ Московскаго Митрополита. Раздѣливъ ихъ на догматическія, нравственныя, церковно-обрядовыя и историческія, онъ обратилъ особенное вниманіе своихъ слушателей на толковательный (визгетическій) характеръ этихъ проповѣдей, на ихъ глубокую вѣрность духу пророчій и на ихъ отвлеченныя запроса своего времени. Онъ достаточною подробностію и ясностію онъ доказалъ, что почти каждая проповѣдь почившаго свѣтителя посвящена глубокому толкованію какого-либо текста священнаго писанія примѣнительно къ религиозно-нравственной жизни тогдашняго общества, которое, особенно подъ конецъ жизни Филарета, находилось подъ крайнимъ вліяніемъ рационализма. Коснувшись вопроса о выказываемомъ иногда мѣтѣи о нѣкоторой сухости и отвлеченности его проповѣдей, читавшій блистательно опровергъ эту мѣтѣи и указалъ на тѣ сильныя порывы чувства, которые доходятъ въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ Митрополита до поэтическаго благоговѣйнаго вдохновенія. Читавшій, приводя за тѣмъ множество классическихъ отрывковъ изъ этихъ проповѣдей, указалъ наконецъ на то, какое могущественное впечатлѣніе произвели эти проповѣди на его слушателей. Въ этомъ отношеніи онъ весьма удачно привелъ дословно, а потомъ подробно разъясняя извѣстное стихотвореніе Пушкина, въ которомъ поэтъ высказываетъ свое впечатлѣніе отъ проповѣди Филарета и въ которомъ сравненіе этого проповѣдника съ горнымъ серафимомъ. Въ заключеніе читавшій, напомнивъ слушателямъ заповѣди Апостола—поминать наставниковъ, приглашалъ всѣхъ вознести молитвы объ успокоеніи души въ Божѣ почившаго проповѣдника и пожелалъ, чтобы на свѣтлицѣ русской церкви никогда не прекращалась свѣтъ, подобный этому, и просилъ бы въ трудныя минуты наше дорогое отечество. Вообще чтеніе было мастерское и вполнѣ было оцѣнено многочисленными слушателями, которыхъ едва могла вмѣстить обширная зала городской думы.

— Если не съ болѣею торжественностію, то, во всякомъ случаѣ, съ болѣею сердечностію праздновали въ Москвѣ столѣтнюю годовщину со дня рожденія великаго Московскаго свѣтителя. И это само собою понятно. Здѣсь Филаретъ свѣтительствовалъ около полулѣтя (съ 1826 г. по 19 ноября 1867 г.), здѣсь оставилъ о немъ еще живыя воспоминанія, здѣсь образъ его еще глубоко запечатлѣн въ умахъ и сердцахъ многочисленныхъ его почитателей. Въ Москвѣ юбилейное празднество началось съ вечера на 9 января. Газеты говорятъ, что въ 6 часовъ вечера на колокольнѣ Ивана Великаго начали

благоговѣть, на который отозвались всѣ московскіе храмы необычными праздничными звономъ; и, за тѣмъ, по всей Москвѣ совершены были всенощныя бѣднія. Въ кафедральномъ Чудовомъ соборѣ литію и величаніе свѣтителя Филиппа, память котораго празднуется 9 января, совершили Преосвященные Савва, Архіепископъ Тверской и Алексѣй Епископъ Дмитровскій. Но собственно торжество совершалось на другой день, и средоточіемъ этого церковнаго празднества были кремлевскіе соборы. Въ стѣнахъ Кремля, въ томъ-же Чудовомъ монастырѣ, при мощахъ свѣтителя Алексѣя, божественную литургію совершили: Архіепископъ Тверской Савва, Епископы—Дмитровскій Алексѣй и Муромскій Іаковъ, въ сослуженіи съ почетнѣйшими Московскими духовенствомъ. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершилъ Преосвященный Никодимъ, Епископъ Фаворскій, а въ Архангельскомъ—Епископъ Іоаннъ, бывший Алеутскій. Но самая торжественная минута праздника наступила, когда, по окончаніи литургіи, все духовенство слушавшее въ Кремлѣ и во многихъ другихъ храмахъ стеклось въ Чудовъ монастырь на панихиду, которую совершили теперь пять архіереевъ, двѣнадцать архимандритовъ и множество протоіереевъ и священниковъ, стоявшихъ въ храмѣ двумя рядами, начиная отъ горняго мѣста въ алтарѣ и почти на всемъ протяженіи храма. При Богослуженіи присутствовали Московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ съ высшими военными и гражданскими властями и представителями сословій и дѣлами массы народа, усердно молившагося о своемъ бѣднѣмъ свѣтителѣ. Въ этотъ день почти во всѣхъ храмахъ столицы были прочтены проповѣди, взятая изъ собранія словъ въ Божѣ почившаго свѣтителя; впрямь были сказаны и самостоятельныя проповѣди: такъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь сказалъ протоіерей В. П. Незаветъ, въ Архангельскомъ А. П. Соколовъ, а въ Чудовомъ монастырѣ Сино-Андріевоу монастырѣ Архимандритъ Григорій. Мы не можемъ изобразить нашихъ читателей съ содержаніемъ всѣхъ этихъ проповѣдей, но позволимъ себѣ сдѣлать двѣ-три выдержки изъ нѣкоторыхъ словъ, въ которыхъ вѣрно изображается свѣтлая личность свѣтителя и ярко свѣтитъ вся сила любви къ нему его Московскихъ почитателей. Такъ Архимандритъ Григорій въ своемъ словѣ спрашиваетъ: „Кто былъ Филаретъ?“ и отвѣчаетъ: „Онъ былъ одинъ изъ дѣятелей, какіе рождаются вѣками, мощныи духомъ, проникшии въ самую сокровенную тайну Боговѣдѣнія, пролившии свою мудрость и дѣятельность не въ одной церковной сферѣ, но и въ важнѣйшихъ событіяхъ государственной жизни, свѣтлою новѣйшихъ временъ, по закатѣ котораго еще горитъ заря, потому что еще живетъ въ народѣ благодатная память о немъ, для многихъ современниковъ онъ былъ какъ-бы дивомъ (Пс. 70, 7). Но самъ онъ смиренно поминялъ, что видимыя великія дѣла совершаются не имаме, какъ подъ вышнимъ управленіемъ, съ невидимою помощію. „Великъ Богъ! И одинъ Онъ великъ и въ великихъ и въ малыхъ землѣ“, восклицалъ Филаретъ и попергнулся духомъ своимъ предъ величіемъ Господа“. Или вотъ еще

суждение того-же проповедника о почившем святителе. „На все у него доставало и времени и силы, хотя он и жаловался на их недостаток; он в день мог сдѣлать столько, сколько другой не сдѣлает и въ недѣлю. Никакое дѣло не представлялось ему трудным до непреодолимости; когда-то признавался и он: „мнѣ кажется все простым“. Многогосподній, тонкій и твердый умъ его, подъ руководствомъ глубоко изученнаго имъ слова Божія и церкви православной, вполне обнималъ бытие сущаго и вѣрно понималъ предметы“. Чтобы еще точнѣе охарактеризовать свѣтлую личность почившаго и представить всю силу любви къ нему его Московскихъ почитателей приведемъ еще сужденія о немъ ректора нынѣшней Московской духовной Академіи С. Смирнова, высказаннаго имъ въ словѣ въ Троицкой Сергіевъ Лаврѣ накануне самаго торжества. По словамъ проповѣдника Митрополитъ Филаретъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которыхъ въ избѣтныя эпохи нарочито воздвигаетъ Господь для блага и счастья человѣчества. О немъ справедливо замѣчено, продолжаетъ достоуважаемый о. ректоръ, однимъ изъ понимавшихъ его высокую миссію, что онъ былъ даже не представителемъ эпохи, но самъ и былъ эта эпоха; что онъ не выражалъ свое время, а руководилъ временемъ, и что въ лицѣ его сошла въ міру душа историческая эпоха. Это голосъ міра. Но вотъ и голосъ церкви вселенской: патриархъ Иерусалимскій въ самый годъ кончины святителя Филарета писалъ къ нему: „По истинѣ подобно свѣтлѣмъ блистають на тверди церковной великіе, богоподобныя муки, которые великими евангельскими добродѣтелями и полезными для всего міра твореніями заслуживаютъ ими обихъ благодѣтелей человѣчества. Кто-же другой въ настоящемъ вѣкѣ отличалъ такую мудрость и добродѣтель и принесъ столько пользы и научилъ міръ, сколько ваша братская глава, служившая органомъ православнаго для всей церкви? Даже предстоятели церкви западныхъ отдавали дань глубокаго уваженія святителю Филарету, называя его „правителемъ, котораго они привыкли любить и чтить и вліяніе котораго на пользу добра было чувственно далеко за предѣлами собственной его епархіи“. Но и въ Москвѣ, подобно тому какъ и въ Петербургѣ, юбилейное торжество не ограничилось только заупокойнымъ богослуженіемъ и произнесеніемъ проповѣди. Ровно въ часъ дня въ залѣ Московской городской думы состоялось, по приглашенію Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, торжественное собраніе всѣхъ почитателей покойнаго Московскаго Митрополита. Собраніе открыто было и заключено небольшими рѣчами председателя Общества, протоіерея И. Н. Рождественскаго. Сущность обихъ его рѣчей можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: „еще не наступило то время, когда могла бы совершиться правильная оцѣнка жизни и дѣятельности покойнаго Митрополита. Оцѣнка такихъ лицъ, какъ Митрополитъ Филаретъ, дѣла не современнаго общества, а исторія“. Почему-же? Потому что „очистительный процессъ времени надъ дѣйствительными историческими совершається медленно, отдѣляя существенное отъ

случайнаго, какъ огонь отдѣляетъ благородный металлъ отъ посторонней примѣси: но этотъ процессъ, въ отношеніи къ святителю Филарету, еще не совершился“. Промежуточное-же время между обими рѣчами представляется исполнено было произнесеніемъ словъ, рѣчей, воспоминаній, чтеніемъ телеграммъ и даже ученыхъ рефератовъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ памяти почившаго святителя. Въ заключеніе речей были всѣмъ присутствующимъ въ собраніи фотографическіе портреты воспоминаемаго святителя, а полный хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ исполнилъ прекрасный концертъ.

— Харьковское торжество отраздалось стольнью годовщиною со дня рожденія знаменитаго ректора Русской церкви, Митрополита Московскаго Филарета. Столѣтіе это, исполнившееся, какъ извѣстно, 26 декабря минувшаго года и въ этотъ же день отраздалованное въ вѣкоторыхъ епархіяхъ, праздновалось въ Харьковѣ имѣть съ Москвою и Петербургомъ 9 января настоящаго года. Заупокойную литургію въ этотъ день, въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, совершилъ Пресвященныи Амвросій въ сослуженіи старшаго Харьковскаго духовенства, а къ панихидѣ собрались и всѣ городскіе священники, при многочисленномъ стеченіи народа. Предъ началомъ панихиды Пресвященныи Амвросій остановился на амвонѣ и обратился къ предстоящимъ съ разьясненіемъ значенія торжества. Онъ говорилъ о заслугахъ Митрополита Филарета, важныхъ не только для отечественной, но и для всей православной церкви, объ его трудахъ на пользу духовнаго просвѣщенія, о характерѣ его проповѣдей, объ его епархіяльномъ управленіи, всегда обнаруживавшемъ въ немъ заботу объ огражденіи и сохраненіи уставовъ и обучавшей православной церкви; но „замѣтилъ Владика“, объ всемъ этомъ подробнѣе и обстоятельнѣе говорятъ теперь въ обихъ столицахъ и будетъ напечатано и можетъ быть нами прочтено“. „Я же, продолжалъ онъ“, почитаю долгомъ сообщить въ общее свѣдѣніе то, что мнѣ одному извѣстно. Я двадцать лѣтъ служилъ священникомъ подъ начальствомъ великаго святителя, много имѣлъ отъ него уроковъ, иногда и строгихъ; но много видѣлъ милостей и благодѣній; видѣлъ опыты его довѣрія, слышалъ иногда и откровенныя сужденія о событіяхъ того времени. И вотъ что было однажды въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Какъ теперь вижу Владика въ простомъ, черномъ подрясникѣ, сидимъ въ его спальнѣ на простомъ не окрашенномъ диванѣ въ положеніи глубокаго старца, согбеннаго подъ тяжестью лѣтъ и глубоко задумавшагося. Это было послѣ разговора о новыхъ еще тогда и рѣзкихъ проявленіяхъ, такъ называемаго, нигилизма и о свободѣ печати, получившей вредное направленіе. Послѣ вѣкотораго молчанія Владика поднялъ голову и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: „бѣдная Россія! Что съ тобою будетъ?“. Я тогда не понялъ всего значенія этого слова; и приписалъ его общепному расположенію стариковъ къ неудовольствію новымъ временемъ и пристрастіемъ къ тому, въ которое они сами были молоды. Но событія показали иное; Владика

проводить, какими бдами разразится — въ нашемъ отечествѣ зародившееся на глазахъ его зло. Намъ суждено быть свидѣтелями неслыханной на Руси крамолы и оплакивать мученическую кончину благороднѣйшаго и благостнѣйшаго Монарха. Но, заключилъ Владыка, помолимся объ всего сердца о приспомянутомъ святицѣхъ, да почувствуется благодатию Божіею оное движеніе любви къ нему въ сердцахъ нашихъ и, если образъ дерзновеніе предъ Господомъ, да ходатайствуетъ объ умиротвореніи отечества нашего, которое оны такъ любилъ при жизни съ нами, и да прекратится въ немъ бдствія и скорби, которыми оны предвидѣлъ. И усердно молимся народъ за нашихъ оид.

— Въ этотъ же день харьковцы имѣли возможность еще разъ слышать нашего Архипастыря, къ чему случай былъ подаенъ нашимъ мѣстнымъ Харьковскимъ обществомъ. Именно въ этотъ день Преслащеннѣйшій Амвросій въ 1 часъ во-полудни совершилъ освещеніе прекраснаго новоотстроеннаго Харьковской думой зданія второй женской гимназіи. При освещеніи присутствовали: г. Начальникъ Харьковской губерціи В. В. Балачовъ, Командующій войсками Харьковского округа Г. Ф. Радекій, Помещитель учебнаго округа М. С. Максимовскій и многія другія высокопоставленныя лица вмѣстѣ съ избранной публикой. Послѣ молебствія Архипастырь нашъ произнесъ рѣчь о воспитаніи дѣвцъ. Содержаніе рѣчи было изъясненіе значенія сердца въ жизни женщины и его вліянія на бытъ семейный и общественный. Владыка указалъ опасность для чистоты и живости женскихъ сердецъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ современнаго преподаванія и литературы. Всѣ запомнили своеобразное выраженіе основной мысли рѣчи: «нашигте на фронтонахъ женскихъ учебныхъ заведеній, поставьте нашимъ девизомъ: „береги сердце женщины!“

— Въ сферы первонной останавливается на себѣ вниманіе прежде всего распоряженіе Министерства Финансовъ о прекращеніи, съ 1-го января 1883 г., взиманія: а) подушнаго въ пользу казны сбора съ мѣщанъ; б) подушной подати съ приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей (прилож. къ ст. 147, примѣч. 2, общаго положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.); в) подушной подати съ крестьянъ, получившихъ отъ помещиковъ въ даръ четвертую часть высшаго или указаго размѣра надѣла, на основаніи ст. 123 Великоросійскаго и ст. 116 Малоросійскаго мѣстныхъ положеній; и г) о сложении недоимокъ, какія будутъ числиться по окладному сбору и подушной подати къ 1 января 1883 года на указанныхъ выше разрядахъ плательщиковъ. („Москов. Вѣд.“)

— Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, какъ пишутъ изъ Петербурга „Южн. Край“, съ цѣлью распространенія между крестьянами религиозно-нравственнаго направленія рѣшено съ 1883 года раздавать бесплатно всѣмъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, слѣдующія книги: св. евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ, псалтырь, молитвенникъ, заключающіе главныя молитвы и тропари чествуемыхъ нашею церковью святыхъ праз-

никовъ, и другія книги религиозно-нравственнаго содержания, для чтенія выучившимся въ школѣ грамотѣ дѣтьми среди своихъ семействъ. Потребные на этотъ предметъ расходы министерство покроетъ изъ отпускаемой ему на начальное народное образованіе сумми, составляющей на 1883 годъ 1.962,243 р.

Признавая разладу книгъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ орудій, дающихъ возможность направлять въ ту или другую сторону мысли и чувства массы, также гасяща только смущается нѣсколько неопредѣленностью выраженія „книги религиозно-нравственнаго содержания“. Намъ, — говорить она, хорошо известны чисто ремесленныя книжки и брошюры, издаваемыя подъ этой фирмой, и ничего общаго ни съ религіей, ни съ нравственностью не имѣющія, книги и брошюры, обыкновенно, полуграмотныя, сентиментально-слащаваго содержания, плодъ либо грубо-ремесленнаго шарлатанства, либо канхенства“. Въ виду этого желательнѣе, чтобы это серьезное и важное, быть можетъ самое серьезное и важное изъ всѣхъ дѣлъ — было поручено людямъ, действительно стоящимъ на высотѣ религиозно-нравственнаго просвѣщенія, людямъ, въ тоже время, могущимъ сдѣлать соответствующій выборъ вещей, которыя годятся для народа“.

— Нельзя, конечно, не согласиться съ высказаннымъ въ „Южн. Край“, тѣмъ болѣе, когда въ „Москов. Тел.“ пишутъ, что по полученнымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свидѣніямъ старообрядцы, цѣлое столѣтіе упорно отказавшіеся отъ послышки своихъ дѣтей въ общія училища и въ земскія школы, въ настоящее время, по окончаніи наукъ въ специальныхъ старообрядческихъ школахъ, начали посылать своихъ дѣтей для усовершенствованія въ образованіи въ народныя училища и земскія школы. Такимъ образомъ, та вѣковая пропасть, которая, главнымъ образомъ, отдѣляла старообрядцевъ отъ православныхъ и служила къ укорененію и развитію замкнутости въ средѣ первыхъ, начинается, мало по малу, исчезать и несомнѣнно совсѣмъ исчезнетъ при усиленіи и вполнѣ правильной постановки религиознаго образованія въ нашихъ школахъ.

— Александровскій Комитетъ о раннихъ считаетъ своею обязанностью напоминать соотечественникамъ, — чувствующимъ благой цѣли его учрежденія: „быть ходатаемъ предъ Государемъ Императоромъ во всѣхъ нуждахъ немущихъ, изувѣченныхъ воиновъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ и пещись о доставленіи имъ возможнаго вспоможенія (приваля Императора Александра I нашимъ арміямъ 18-го августа 1814 г.)“ — о дарованномъ Комитету правѣ принимать пожертвованія. Приглашая къ тому, Комитетъ проситъ имѣть въ виду, что какъ бы ни было мало, само по себѣ, пожертвованіе каждаго, оно, со многими другими, такими же приношеніями, будетъ имѣть большое значеніе, приметъ Комитетомъ съ признательностью, употреблено будетъ безусловно на тотъ именно предметъ, на который пожертвовано, и за него останутся благодарны также и тѣ 43.378 лицъ, кои пользуются въ настоящее время

тою или другом помощью отъ Комитета, равно и тѣ, которые впрямь будутъ получать ее, состоя подъ его покровительствомъ.

— 17 января Харьковскій Императорскій Университетъ праздновать 79 годовщину своего существованія. Послѣ литурги, въ торжественномъ залѣ Университета, при многочисленномъ стеченіи публики, были прочитаны отчетъ о состояніи Университета за истекшій годъ и профессоромъ Афанасіемъ Степановичемъ Лебедевымъ произнесена была рѣчь: „Харьковскій Коллегіумъ какъ просвѣдательный центръ Слободской Украины до учрежденія Харьковскаго Университета“. Рѣчь достоуважаемаго профессора, при строго научномъ и безпри-

страстномъ отношеніи къ предмету, дышала теплою чувствъ и сердечностію. Такое отношеніе оратора къ предмету рѣчи вылилось, какъ результатъ глубокаго убѣжденія его въ той громадной пользѣ, которую принесъ Коллегіумъ обществу, будучи первымъ и единственнымъ высшимъ просвѣдательнымъ учрежденіемъ въ краѣ до основанія Харьковскаго Университета. Для насъ содержаніе этой рѣчи имѣетъ особенно живой интересъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы постараемся познакомить съ нѣмъ читателей возможно подробно.

ПОПРАВКА Въ № 3 „Харк. Епар. Вѣд.“ во „Внутр. обзорникѣ“ на ст. 44 стр. 17 слѣд. выдѣло слово: „сѣдѣнія со дня рожденія“, чит. „сѣдѣнія со дня рожденія“.

ОВЪЯВЛЕНІЯ

съ 1883 года

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

РАДУГА

Новый Иллюстрированный, Политическо-Литературный Журналъ
будетъ выходить въ Москвѣ еженедѣльно, тетрадами отъ 20—30 страницъ.

Содержаніе РАДУГИ обнимаетъ слѣдующее, раздѣленное для нея программой.

I. Часть *литературная*: а) **Обзорніе** политической и общественной жизни въ Россіи и за границей; б) **Изданная словесность**. Романы, повѣсти, драматическія пьесы, стихотворенія; в) **Научный отдѣлъ**. Разсказы и описанія; въ общедоступномъ изложеніи теоретическія статьи по разнымъ отраслямъ вѣдѣній; практическія изслѣдованія въ области физики, техники; г) **Указатель новостей**, ученыхъ, библиографическихъ, художественныхъ, театральныхъ, биржевыхъ, сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ. **Метеорологическія** наблюденія. **Мода**; д) **Альбомъ**: анекдоты, шутки, шарады, загадки, задачи.

II. Часть *художественная*, внутри текста въ видѣ иллюстрацій, и внѣ его въ видѣ приложеній: а) **Рисунки**: портреты, виды, бытовые сцены, сцены изъ романовъ и новеллъ, иллюстраціи къ разсказамъ и описаніямъ, снимки съ произведеній живописи, рисунки произведеній вапня, чертежи архитектурныя и техническія, рисунки домашнихъ рукодѣлій, картины моды, шахматные задачки, ребусы; б) **Музыка**, съ словами и безъ словъ, для инструментальнаго и вокальнаго исполненія.

III. Частіи объявленія и рекламы.

Рисунки (до 500) въ годъ и поти будутъ въ каждомъ №.

Подписная цѣна РАДУГИ, съ доставкой и пересылкою: За годъ *пять* рублей, за полгода *три* рубля.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ РАДУГИ, при Вагальской перекладѣ, доль Александровскаго подворья. Редакція **СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ** (Москва, Воздвиженка, Издатель-редакторъ Н. Гиларовъ-Платоновъ).

Редакція „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, съ благодарностію приметъ статьи, корреспонденціи, замѣтки и вообще всѣхъ литературный трудъ, соответствующій духу и направленію своего изданія. Авторъ, при доставленіи въ редакцію свои сочиненія, долженъ быть точно обозначенъ, а равно и тѣ условія, въ которыхъ право печатанія поставленныхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ему уступлено. Статьи, признанныя неудобными къ печати, не будутъ возвращаться по почтѣ, — авторы сами благоволятъ получить ихъ въ конторѣ редакціи; статьи-же, объявленныя безъ обозначенія условій печатанія, будутъ считаться безымянными.

Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣльно (52 №№ въ годъ), каждый разъ въ обложкѣ отъ полтора до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ, или не менѣе 104-хъ листовъ печатнаго текста въ годъ. Цѣна за годовое изданіе *шесть* руб., а съ доставкой городскимъ почтислужнымъ и съ пересылкою изгороднимъ *семь* руб.; за полугодіе — *четыре* рубля.

Подписка на изданіе „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ принимается въ Харьковѣ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ конторѣ редакціи „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и въ конторѣ Типографіи Окружнаго Штаба. Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіи харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за строку, или нѣско строки за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24

Редаторъ, Ректоръ харьковской духовной семинаріи, Протоіерей Михаилъ Разногорскій.

Дозволено цензурою. 20 Января 1883 г.

Тип. Окружнаго Штаба.
Харьков. Нѣвская ул., № 26.

Цензоръ, Протоіерей Тихонъ Павловъ.